

Журнал "Работница"

№12, Декабрь 1963

УДК 64
ББК 37.279
Ж92

Ж92 Журнал "Работница": №12, Декабрь 1963 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 40 с.

ISBN 978-5-458-45536-7

Журнал "Работница" - старейший женский журнал. Первый выпуск вышел 23 февраля (8 марта) 1914 года. Изначально журнал выступал как площадка для острых политических высказываний того времени. В 1914 году из 7 изданных номеров 3 были конфискованы полицией. В период с 1918 года по 1920 года выпуск издания был временно прекращено, с января 1923 года - возобновилась в Москве. Позже у журнала пропала политическая подоплека и "Работница" стала первым журналом для женщин. Журнал "Работница" обладает особым искренним и доверительным стилем общения с читателем, что обеспечило журналу тираж более 13 миллионов экземпляров.

ISBN 978-5-458-45536-7

© Издание на русском языке, оформление
«УОУO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

и только один ленится, прогуливает. Я с ним поговорила раз, второй. Он оправдывается: «Не нравится мне эта работа». Спрашиваю: «Как почему же ты занял чужое место в институте, раз тебе не нравится литейное дело?» Он пожимает плечами. В этот самый момент подводит ко мне начальник цеха новенькую: молоденькая работница, в первый раз в жизни пришла в цех. И вдруг студент обращается к ней: «Что ж ты пришла на такой грязный завод, чище, что ли, не нашла?»

Что тут поднялось! Студенты, работники участка продавили его с псочком. — Интересно, откуда же будут браться станки, точные, с программным управлением, и автоматы, если никто не будет делать для них отливок — самой «черновой», первой, изначальной работы? Если «Красный пролетарий» или завод имени Орджоникидзе выпускают новые автоматические линии, то ведь начало-то у нас, в литейке. Я хожу в литейку тридцать лет и ничуть об этом не сожалею. И вам я скажу, — заканчивает Ксения Павловна, — твердо держитесь выбранного дела. Не бегайте с места на место, а старайтесь идти вглубь, стать мастером своего дела, понять значение и важность своей работы — и вы ее полюбите.

«Труда». Уж это ли слово не знакомо, особенно им, выросшим в рабочих семьях! Вот и сегодня ребята пошли на вечер, а Надина мать, стрелочница маленькой подмосковной станции Кудиново, — на линию. И отец Виктора, завальщик «Серпа и молота», встал у своей печи: начинается плавка.

Да и сами ребята знают, что такое труд. Но и это слово, слово «труд» застывало новыми для них гранями.

— Тридцать лет назад я окончил училище, похожее на ваше, называлось оно механико-техническим. — Это говорит Виктор Васильевич Ермилов. — С тех пор я все время работаю на заводе «Красный пролетарий» слесарем. За это время из полукустарного предприятия вырос завод, который экспортирует станки почти в сорок стран мира. В этом году будет закончено строительство второго завода, где будут собирать вертикальные токарные станки, каждый из которых заменит целую автоматическую линию.

Надя и Виктор внимательно глядят

ваются в лицо этого человека. У него лицо ученого, лицо, святящееся мыслью. Вот судьба! Каждый день десятки лет приходил человек в один и тот же цех, и все же каждый новый день был для него не повторением, а продолжением предшествующего, каждый день вел его дальше. Дни не выстигались ровной плоскостью, а поднимались, как ступеньки лестницы: каждая всего на десять сантиметров выше предшествующей, но последняя уже на целый километр выше первой.

— Перед началом собрания я разговаривал с некоторыми из ваших товарищей, — продолжал Виктор Васильевич. — Спрашиваю, куда они пойдут после окончания училища. Один паренек мне ответил, что пойдет учиться в техникум, другой, — что пойдет рабо-

Внимательно слушали девушки выступление Ксении Павловны Левушкиной.

тать. Им кажется, что пути их расходятся. Но я хочу, чтоб вы поняли: школа не кончается порогом училища. Работа — это тоже школа.

Ни Наде, ни Виктору не довелось выступать на этом вечере. Но когда Лида Рыбачик из 18-го технического училища говорила: «Дорогие Герои! Вы являетесь для нас образцом трудовой гордости и славы, мы во всем хотим быть похожими на вас и заверяем, что через всю жизнь с честью пронесем звание советского рабочего», — Надя и Виктор хлопали в ладоши так, словно эти ладошки подтверждали, как печати ставили: «И мы! И мы!»

И еще об одном сказала Лида: в их училище уже двум группам присвоено

звание «Резерв бригады коммунистического труда». Очень многозначительное это звание — резерв коммунистической бригады. Армия труда идет в наступление. Вперед Герои. Но им уже растет смена, в тылу формируются резервы.

...Над осенней московской улицей трепетно и нерешительно кружат первые снежинки. Кончилась встреча; Надя и Виктор выходят на улицу; И Надя спрашивает задумчиво и тихо:

— Неужели и мы сможем проработать на одном заводе тридцать лет? Это же будет, знаешь, какой год?

— Тысяча девятьсот девяносто третий, — быстро отвечает Виктор, и вдруг голос его осекает. — Ишь ты! Тысяча девятьсот девяносто третий... — медленно, раздельно произносит он еще раз.

Какой невообразимо далекой кажется эта дата! А ведь они будут, эти тридцать лет, десять тысяч их будущих рабочих смен. И кто знает, может, в том, 1993, году трудовые резервы (ведь и тогда армия труда будет готовить себе резервы) пригласят на свой вечер других Героев Социалистического (к тому времени, наверное, Коммунистического) Труда и среди этих славных имен прозвучат и имена тех, кто был на вечере... Кто знает!..

Окончился вечер «Встреча со славой». Но ясно: это не последняя встреча. Дорога, которую выбрали Надя и Виктор, и другие участники этого вечера, дорога, которая каждое утро начинается для них с заводской проходной, верная. И именно на ней, на этой рабочей дороге, состоится их следующая встреча с трудовой славой.

А. ЛЕВИНА

Москва.

Герои Социалистического Труда Виктор Васильевич Ермилов и Клавдия Петровна Цупкова в перерыве беседуют с будущими рабочими.

Фото Н. Маторина.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ № 8132

Л. СЕРГЕЕВА

Поворят, что в Клинцах петухи кричат на три стороны: на северную — русскую, на западную — белорусскую и на южную — украинскую. И вправду: сто километров от Клинцов до Брянска, столько же до Гомеля, столько же до Чернигова. Едят жители белорусскую «бульбу», поют русские песни, танцуют украинский гопак...

В 1943 году отступающие на запад фашисты сожгли городок Клинцы, как и десятки соседних русских, белорусских, украинских городов и сел.

Да, не так, как теперешних «фезеушниц», встречала тогдашних девчонок суконная фабрика в Клинцах: не то что общежития или столовой — крыши не было над головой. Получали девчонки скудный паек, работали, не считая часов, в заледневших цехах, ходили на субботники-воскресники: то вызволяли увязшую в снегах «кукушку» с шерстью, то грузили торф, когда фабрика оставалась без топлива. А по ночам снилось им: где-то на столе или возле станка остался кусок хлеба, маленький такой кусочек. Вот бы проснуться и найти...

Почти двадцать лет отделяют Героя Социалистического Труда Зинаиду Савостьяновну Быконя от Зины Кочура (такая у нее была тогда фамилия). Двадцать лет — срок немалый в человеческой жизни. Всего в ней было — и хорошего и тяжелого. Не сосчитать ночных смен, не забыть, как впервые перевыполнила норму; были новые станки, ученицы, новая квартира, красный флажок ударника коммунистического труда, почет, высокая должность депутата Верховного Совета СССР. Все было. Но начало рабочей биографии навсегда останется главным, те, первые годы, когда фабрика приняла в свои стены рано повзрослевших, познавших все ужасы оккупации девчонок, поставила к станкам, научила любить свой труд — труд первостепенный, необходимый людям: солдатам, детям, жителям соседних деревень, разоренных войной.

Впрочем, обо всем этом я узнала не сразу. Первые мои сведения, имеющие отношение к Зинаиде Савостьяновне, были такие: новая квартира ничего, но гдеже играть в футбол; попробовали в комнате — разбилась ваза, а во дворе Капитоновна не дает, хотя она хорошая тетка, управдомша Капитоновна. Вон какой сад перед домом развел, в фонтане раков выращивает, но в футбол играть не дает. Кроме футбола, есть другие интересные вещи. Например, Жорик может сыграть на пианино шотландскую песенку композитора Бетховена. Хотите послушать? Стасик, конечно, не умеет играть, он и читать-то умеет одну букву «о», а ему на тот год в школу.

Было воскресенье. Старшее поколение семьи Быконой, еще незнакомое мне, ушло на рынок, Жорик со Стасиком развлекали меня изо всех сил. Были продемонстрированы альбом «Чешский балет», который мама привезла из Чехосло-

вакии, когда ездила туда с делегацией, пятерочный табель ученика третьего класса Георгия Быкони («А в десятом классе мы будем труд проходить на маминой фабрике»), вылепленное Стасиком из пластилина нечто среднее между космонавтом и Чиппалвино и многое другое.

А когда вернулись с рынка родители, я воочию увидела, что такое скоростные методы ведения домашнего хозяйства. Мальчишки с отцом мигом вытрясли половики и вымыли пол, Зинаида Савостьяновна орудовала на кухне, и я диву давалась, с какой скоростью летела в ведро картофельная кожура, хотя, надо сказать, и сама имею кое-какой опыт в этом деле.

Рассказы «о себе» у Зинаиды Савостьяновны не получают. «Работаю и работаю». Зато об интересных людях, которых встретила в жизни, рассказывает она долго и хорошо.

— Вот, смотрите, на фотографии. Это я и Орловский. Знаете, Орловский, знаменитый председатель колхоза?.. Мы с ним в Кремле познакомились. Вот кто — Человек! Инвалид, без обеих рук, пенсионер — и не хочет знать покоя! Из города в колхоз поехал, в самый что ни на есть отсталый. И что ж он с тем колхозом сделал? Вывел в самые передовые и богатые, а людей до какой высоты поднял!

Я, когда депутатом стала, особенно поняла, как много хороших людей кругом, всегда помогут. Раз в месяц у меня вроде официальный прием, только так, конечно, никогда не получалось, потому что почти каждый вечер звонок: вы уж простите, скажут, что мы к вам домой, но положение такое, что очень нужно посоветоваться. Со всеми бедами шли.

Знаете, до чего это здорово — помочь человеку... Но бывает, такими делами приходится заниматься, что кулаки сжимаются. Недавно в городской комиссии партийно-государственного контроля слушали мы дело о хищении в Клинцовском горторге. Целая компания жулья там сидела. Во всем разобрались: кто начинал, кто потакал, кто на взятках держался. Одного до сих пор не пойму: как это у них рука поднялась! Что такое у них в головах и душах могло случиться, чтобы они в карман людям полезли — рабочим, своим соседям! И мы просмотрели, если до такого допустили!

Разговор наш с Зинаидой Савостьяновной время от времени прерывался — это отец семейства приоткрывал дверь и спрашивал, извинившись:

— Зинуша, насчет соуса к гусю я не специалист, пойдик-ка сама положи чего полагається.

Владимир Иванович Быконя, шофер автобуса, сейчас в отпуске, и сегодняшний воскресный обед — его самостоятельное творчество.

Мне очень нравятся и борщ и гусь, а главное — та уважительная и добрая атмосфера, которая царит в этом доме.

Я вспоминаю некоторых своих подруг и еще письма, приходящие в редакцию, и думаю, что о счастливой любви, не о

ГЕРОИ
ТРУДА
РАССКАЗЫВАЮТ

Хозяйки

Рахима ИСЛАМОВА,

председатель колхоза имени Крупской,
депутат Верховного Совета
Узбекской ССР

Моя биография похожа на биографию многих женщин Узбекистана. До революции наши матери были рабынями мужей, затворницами, их считали низшими существами. Я увидела свет после Октября. Коммунистическая партия дала мне не только свободу, но и счастливую жизнь, грамотность, образование.

С 1946 года я руковожу сельхозартелью. Большие перемены произошли в нашей жизни за это время. Площади под хлопчатником, например, возросли в пятнадцать раз. Выращиваем мы кукурузу, бахчевые, овощи. Много у нас разного скота, а больше всего каракульских овец. В нашем хозяйстве 80 тракторов, 33 автомашины, 14 хлопкоуборочных машин.

Работает колхоз неплохо: урожаям

Зинаида Савостьяновна Быкова.

Фото В. Семененко.

мимолетной, а о прочной, проверенной годами, говорят и пишут гораздо реже, чем о несчастной. Если придет письмо о любви, то чаще всего такое: обманул, бросил (слово-то какое: «бросил»), не дает муж учиться, не помогает по хозяйству, не пускает в самостоятельность (а до свадьбы была первая заводила), короче говоря, не считает жену за человека.

О счастливой любви рассказывают редко. И писать о ней, как ни странно, трудно.

Поздно вечером Зинаида Савостьяновна говорила мне:

— Было мне лет двадцать, когда я дружила с одним парнишкой. И все шло к тому, чтобы мы поженились. Он все уговаривал: пойдем распишемся. Я и согласилась: парень очень хороший, а главное, все подружки замуж засобирались, в таком возрасте это очень действует. Договорились однажды и пошли в загс, а по дороге вдруг сердце у меня оборвалось: что же это я делаю?! Ведь не люблю я его. Пускай он хороший, а любви-то нет у меня. А есть же она на свете, настоящая любовь! Без нее — нет, не могу, не будет мне счастья. Так и не пошла. Показалась перед ним, что раньше не отказала, и домой воротилась... А с Володей смешно у нас было. Он только из армии вернулся, познакомились мы на танцах. И очень друг другу понравились. Он говорит: «Придете завтра?» Я говорю: «Приду». А девчонки, как на грех, взяли билеты в театр. Ну как не пойти, не встану же я поперек брига-

де, а правду девчонкам сказать впервые в жизни язык не повернулся. Смотрю я в театре на сцену и не вижу ничего. В антракте бегом на танцплощадку, хорошо — рядом. Он уж заждался. Я и говорю ему: так, мол, и так. А он гордый: «Если вам театр интереснее, — пожалуйста». Ну, и я гордая. «Конечно, — говорю, — театр интереснее». Так и кончилось наше первое свидание ничем. И, представляете, несколько месяцев после этого друг друга не встречали, а все я о нем думала, и он, как потом оказалось, обо мне. Ну, а потом встретились — и вот... — Она смеется, разводит руками.

— Знаю я, — говорит она, — иной раз женщины сетуют, что общественной работой не могут заниматься: семья. А мне помогает семья, не знаю, как бы я одна жила. Придешь после ночной или на собрании задержишься, на занятии с учениками, а дома все приготовлено, сделано, ребята накормлены. Если уезжать приходится, еду со спокойным сердцем: знаю, дома будет все в порядке. И никогда меня Володя ни в чем не упрекнет, потому что верит мне так же, как я ему. Домой лечу с радостью, знаю, случится что у него или у меня, всегда друг с другом сердце отогреется. И все, что у меня получается, наполовину Володино...

Я не бывала раньше на текстильной фабрике. И мне неизменно рисовалась такая картина: по широкому проходу между станками идет Любовь Орлова в козылочке, передвигает время от времени какие-то рычажки и распевает «Марш энтузиастов». (Была когда-то такая кинокартина «Светлый путь», там Орлова играла героиню, которая становилась знаменитой ткачихой.) Конечно, понимала я, это кинокомедия, что с нее взять. На самом деле все неизмеримо сложнее. Но то, что в действительности происходит на фабрике, это сложнейшее и разнообразнейшее колдовство, оставляет далеко позади все представления несведущих людей.

В первый цех поступает спрессованная, проехавшая сотни километров шерсть, содержащая много грязи. А из последнего цеха грузовики увозят тяжелые рулоны драпа, сукна, пестрой «пиджачной» ткани — больше двухсот двадцати километров в год. Труд трех тысяч человек (больше двух тысяч из них — женщины) вложен в эти километры.

В первом цехе стоит деревенский овечий залаш. Здесь работают сортировщицы. На глаз они разбирают шерсть по сорока четырем существующим группам.

Потом ее моют, моют, моют. Потом добавляют хлопка, штапеля, капрона, лавсана и всякими хитрыми способами заставляют их намертво, неразлично срастись с шерстью. На вал выплывает ленивая мохнатая лента, и дальше из цеха ее гоняют с машины на машину, крутят-перекручивают по бобинам, пока она не вытанется в ровную, крученую, прочную нить. От овечьего духа не остается и следа. В цехах парят густые, влажные запахи кислоты, краски, перегретого металла.

И ткацкие цеха находятся не в конце, нет, только в середине длинной цепи превращений. Сотканную шерсть, похожую на мешковину, начинают превращать в драп. Ее принимают вала, свивать, перекручивать, начесывать, жечь горячим паром, остужать, красить, докрашивать, стирать, усаживать, сушить, утюжить, обрезать края и, наконец, брить гигантской

хлопка сняли высокие, за последние десять лет себестоимость его снизилась примерно в 5 раз, в несколько раз увеличился «вес» трудодня.

Нас всех, конечно, радуют эти успехи.

Женщины возглавляют 4 крупных бригады, 20 звеньев. Бригаде Зулейхи Хамидовой первой в Самаркандской области было присвоено почетное звание бригады коммунистического труда. Хамидовой стараются не уступать Ханим Хайтова, Хайринисо Мурадова, Рабия Файзуллаева и многие другие.

Почти все хлопкоуборочные машины водили раньше девушки — последовательницы Турсуной Ахуновой. Это Халбиби Нарзиева, Адолат Абдуллаева, Ханим Хайтова.

Женщины-узбечки составляют значительную часть и нашей сельской интеллигенции. Большим уважением у колхозников пользуются учителя местных школ Муяссар Даминова, Айташ Джалилова, Асия Саидова, Мукрам Разыкова, Санобар Жололова, Анвара Ташпулотова, врач Матлюба Турсунова, зоотехник Зияда Таирова и другие.

Мы стараемся делать все возможное, чтобы улучшить быт женщин, облегчить их домашние хлопоты. В прошлом году мы построили в десяти полеводческих бригадах типовые детские сады, открыли родильный дом, медпункт, клуб. Колхозники решили создать свои «Черемушки» — новый поселок, где будет 138 жилых домов с садами, сквер, цветники, спортивные площадки, школа, детский сад на 300 детей, больница.

Молодежи надо постоянно помогать, передавать ей опыт. В хозяйствах Самаркандской области работает много моих учеников. Герой Социалистического Труда Зулейха Наркулова еще три года тому назад была рядовой сборщицей, а теперь возглавляет большой колхоз имени Ахунбабаева. Она часто бывает у нас, советуется со мной, и я с радостью делюсь с ней всем, что знаю и умею. Крепко дружим мы также с председателями колхозов Ханбиби Имамовой, Кизбиби Хусановой, Ниязбиби Давлятовой. Все они за свой труд удостоены звания Героя.

Да, женщины у нас, в Узбекистане, стали большой силой!

Колхоз имени Крупской, Самаркандская область.

Г Л А З А - Ч Т О Б Ы В И Д Е Т Ь

бритвой, случается, по четырнадцать раз одно и то же место. А если непримиримый контролер обнаружит на куске сучки и задоринки, кусок расправляют на громадном кульмане и вручную, пинцетами, выщипывают из него эти задоринки, а попросту говоря, лишние волосинки и микроскопические остатки неистребимого репья, который когда-то вцепился в оверчий бок.

Зинаида Савостьянова водила меня по фабрике с первого цеха до последнего. В каждом из них у нее знакомые.

— Вон на том станке, видите, Тася Середа работает, узнаете? Портрет ее на доске почета. Лучшая ткачиха у нас, тоже, наверное, лет двадцать за станком. А это я с Людой Евсеенко поздороваюсь, умница девочка — ткачиха прекрасная и в техникуме учится...

Сама Зинаида Савостьянова работает в ткацком. Это, так сказать, ее рабочее место, в самом прямом смысле слова. Как только войдешь в цех, становится ясно: пенie здесь не пойдет — не только Любовь Орлова или даже Людмила Зыкина не услышали бы здесь собственного голоса, но если бы хор имени Пятницкого в полном составе грянул «Эх, недаром славится...», сам дирижер не различил бы ни звука в грохоте станков. Фигуры ткачих передвигаются спокойно и привычно. Я не сразу замечаю, на какой именно «парочке» работает Зинаида Савостьянова: вот она встала к станку отлучившейся в контору подруги, вот подошла к новенькой — девочке-одинадцатикласснице, она сегодня впервые работает самостоятельно. Все, что ни делает Зинаида Савостьянова — сменяет челнок, вяжет узел, — получается у нее легко, просто, не то что без напряжения, а вроде даже с прохладцей. Но это та самая простота и легкость, с которой льется по сцене Майя Плисецкая или берет верхнее «ля» Алла Соленкова, а Валерий Брумелль взлетает над планкой. Она, эта простота, рождена талантом и громадной, длительной тренировкой. В этой тренировке, как у спортсменов, счет ведется на десятые доли секунды. На какую-то операцию отпущено по норме 2,5 секунды, а Быконя проводит ее за 1,7; на другой она выгадывает 0,3 секунды, а следующей операции — 0,8. Обычный ткацкий станок работает со скоростью 96 ударов в минуту; у станков Зинаиды Савостьяновы скорость — 100—102 удара, она просит механиков увеличивать скорость до предельно допустимой. Ее размеренные, спокойные секунды на самом деле сжаты, спрессованы, напряжены.

Вот какой ценой даются Зинаиде Савостьянове ежемесячные 110—115 процентов плана (а это за год получается столько ткани, что хватит на двести пятьдесят «сверхплановых» костюмов) и уже много лет подряд только отличное качество.

Чем больше я знакомлюсь с Зинаидой Савостьяновой, тем лучше понимаю: ее рабочее место не ограничивается двумя квадратными метрами возле станков. Ее рабочее место — это вся фабрика с ее успехами и бедами, с ее проблемами, с ее столетней историей; с ее будущим. А за фабрикой имени Ленина встает городок Клинцы и вся наша громадная страна.

* * *

На золотой медали «Серп и молот», которую носит на груди Зинаида Савостьянова Быконя, выючен номер: «8132». Итак, я рассказала лишь об одной из тысяч героев...

г. Клинцы,
Брянской области.

ГЕРОИ ТРУДА
РАССКАЗЫВАЮТ

Переключка подруг

Анна ГРИЦКЕВИЧ,
обмотчица завода «Севкабель»

Наш завод выпускает кабели, эмалированную проволоку, обмоточные и монтажные провода, коллекторную медь и другую продукцию. Предприятие потребляет много цветных металлов, натурального шелка, лаков, пряжи.

Каждая работница старается срабатывать катушки до конца, часто и оборвавшиеся куски провода не выбрасываем, а соединяем и снова пускаем в дело. Отходы резко уменьшились. Из сбереженного материала мы выпускаем дополнительно десятки тонн обмоточных проводов.

Недавно мне доверили новый, высокопроизводительный станок. Я добилась того, что выпускаю теперь изолированного провода по крайней мере на десять процентов больше, чем раньше,

а кроме того, экономлю материалов на 3 тысячи рублей в год.

Нашим трудовым успехам очень помогает соревнование с работницами родственных заводов. На XXII съезде КПСС я познакомилась с оплетчицей киевского завода «Укркабель» Сняковской. Она тоже обязалась ежедневно давать сверх нормы не менее 500 метров провода.

Пришло ко мне письмо и с завода «Москабель». Его прислали члены бригады коммунистического труда, которой руководит обмотчица Вера Львухина. Они решили выполнять нормы на 130 процентов и ежемесячно экономить металла на 300 рублей.

Мы регулярно пересылаемся, передаем результаты соревнования. Ленинград.

Летом прошлого года в Одесский институт глазных болезней имени Филатова привезли из Сумской области мальчика с тяжелыми ожогами обоих глаз.

Случай был особенный, из ряда вон выходящий. На мальчика тяжело было смотреть. Ожогенные веки намертво приросли к главному яблоку. С застывшим, как маска, лицом неподвижно сидел мальчик в кругу обступивших его врачей. Ни одной жалобы, ни одного вопроса о своей дальнейшей судьбе. Это состояние безнадежности, обреченности было страшнее всего.

А врачи? У них-то была какая-нибудь надежда?

Такие случаи всегда считались безнадежными. Но... «Я никогда не мог мириться с понятием безнадежности в медицине, — не уставал твердить своим ученикам гениальный Филатов, — и всегда стремился что-то придумать, чтобы помочь больному».

Этого здесь не забывают.

— Мальчика оставляем, — поднимаясь со стула, объявила свое решение директор института Надежда Александровна Пучковская. — Попробуем сделать все возможное.

С этого дня в институтской клинике была заведена еще одна история болезни: на Морозова Ивана 15 лет, воспитанника детского дома.

Операцию делала сама Надежда Александровна. Делала по новому, ею же самой разработанному методу — до нее медицина таких операций не знала. Точными и тонкими движениями она устранила спайки, сращения, отделила веки от глазного яблока и пересадил на внутреннюю сторону века слизистую оболочку с губы. Веки вновь обрели подвижность.

Совершив эту сложную операцию, Надежда Александровна преспокойно снова закрыла ожившие веки и... наглухо зашила глаз. А через некоторое время Морозова с защитным глазом отправили обратно, домой.

— Наберись терпения, Ваня, — напутствовала; прощаясь с ним, Пучковская. — Через год свидимся.

«Свидимся»? Сказать такое слепому... Но нет, это не было жестокой бестактностью. Надежда Александровна знала, что говорит.

В июле этого года Иван снова приехал в Филатовский институт. Опять операция, и не менее сложная, чем первая.

Ване раскрыли веки. Но он ничего не увидел. Роговая оболочка сплошь была затянута густой серой пленой — бельмом. Неизбежный результат все того же ожога.

Бельма — стойкое, неспособное к просветлению помутнение роговицы — оста-

Сейчас будет принято окончательное решение... Больного консультируют член-корреспондент Академии медицинских наук СССР, Герой Социалистического Труда Надежда Александровна Пучковская (на переднем плане) и заведующая отделением тканевой терапии института, старший научный сотрудник Варвара Васильевна Скородинская-Филатова.

Фото А. Шапиро.

ри были бичом человечества. 40 процентов всех слепых, утверждает медицинская статистика,—это ослепшие от бельма. Еще не так давно, каких-нибудь 3—4 десятилетия назад, медики в бассейны опускали руки перед грозным врагом.

Но теперь найдено спасение от бельма, и неоценимая заслуга в этом принадлежит нашему соотечественнику академику Владимиру Петровичу Филатову. Он предложил свою методику операции: в бельме против зрачка вырезается круглое окошечко диамет-

ром 4—5 мм и в него пересаживается такой же величины кусочек прозрачной здоровой роговицы от глаза умершего. Филатов сконструировал специальные инструменты—трепаны и настолько усовершенствовал технику операций, что теперь частичную пересадку роговицы может делать любой врач-глазник.

Увы, Ване Морозову такая операция ничем не могла бы помочь. Она дает хорошие результаты при относительно небольших бельмах, когда бывает поражен ограниченный уч-

сток поверхности роговицы. А у Вани бельмо было особенно тяжелое, «выпяченное».

И все же Пучковская довела операцию до конца. Тончайшими слоями, как кожуру с яблока, срезала она мутные слои роговицы и пересадила на пораженные участки новую роговичную ткань.

Метод почти полной, послойной пересадки роговицы—это открытие ее, Надежды Александровны Пучковской. Она же первая стала применять новый метод на практике. За этот вы-

дающийся научный труд ей была присуждена ученая степень доктора медицинских наук.

А что же с Ваней? После операции его с перебинтованным правым глазом—операция пока делалась на одном глазу—уложили в постель. Он должен некоторое время лежать, не двигаясь, не шевелясь, а потом еще долго оставаться под наблюдением института.

Прозреет или не прозреет? Этот вопрос волновал и лечащих врачей, и нянечек, и Ваниных соседей по палате, а больше всего, естественно, Надежду Александровну. Совершая свой обычный обход, она у Ваниной кровати задерживалась особенно долго.

...Недавно—это было в последних числах октября—Надежда Александровна уезжала в Москву на XIII съезд профсоюзов, делегатом которого она была.

В день отъезда в кабинет к ней вошел подросток в сером больничном халате. В руке он держал букет георгинов. Аккуратно прикрыв за собой дверь, он направился прямо к Надежде Александровне и, смущенно улыбаясь, протянул ей цветы.

— Это вам...— проговорил он.

— Где же ты раздобыл такую прелесть?— ахнула Надежда Александровна.— Ну, большое тебе спасибо, Ваня!

— А красивые, правда?— зардевшись от удовольствия, сказал паренек.— Это я сам подбирал...

Да, это был наш Ваня Морозов, тот самый мальчик, который ни во что не верил, ни на что не действовался...

А. ПРИСС

Далекie дороги ткачихи

Ирма ДАВИДС,
ткачиха комбината «Ригас Аудумс»

Пришла я на комбинат совсем девочкой, еще до того, как Латвия стала Советской республикой. Весь мой кругозор замыкался тогда стенами цеха, в котором я работала.

С тех пор прошло 23 года. По-прежнему работаю все на том же «Ригас Аудумс», но теперь и комбинат другим стал, и вся наша жизнь изменилась.

Я считаю неплохой ткачихой, и меня время от времени посылают в другие города— у людей поучиться и свой опыт передать.

Где только за это время не довелось мне побывать! Была я в Армении, в гостях у текстильщиков Ереванского шелкоткацкого комбината, ездила в Тбилиси проверять выполнение договора на социалистическое соревнование, побывала у текстильщиков Азербайджана,

с которыми нас, рижан, связывает многолетняя дружба. А недавно я участвовала во встрече женщин стран Балтийского моря, которая проходила в ГДР, и от имени тружениц Латвии высказала самое горячее наше пожелание: чтобы на земле всегда был мир.

Конечно, много раз бывала в Москве— на сессиях Верховного Совета СССР, участвовала во Всемирном конгрессе женщин.

Каждый раз, собирая меня в дорогу, моя старая мать— она тоже всю жизнь была работницей, но только в буржуазной Латвии— говорит: «Счастливая ты, дочка! Какие далекие дороги теперь у тебя, от ставка твоего ткацкого— по всему миру».

ГЕРОИ ТРУДА
РАССКАЗЫВАЮТ

ГЕРОИ ТРУДА
РАССКАЗЫВАЮТ

Мои товарищи

Ольга ЛАПА,
инженер-механик Иркутского
машиностроительного завода

Вскоре после того, как я вернулась с XXII съезда партии, подошел ко мне мастер и говорит: «Хотим тебе, Ольга Исаковна, трудный участок поручить. Будем осваивать новое изделие. Подумай». Я согласилась и начала собирать бригаду.

Пришла ко мне Лиза Игнаева, чуть не плачет:

— Тетя Оля, возьми и меня к себе. Который месяц переводят девушку из бригады в бригаду, и нигде толком ничему не научили.

Взяла я ее к себе. Очень способной оказалась девушка. За месяц освоила нашу специальность. А ведь операции у нас очень сложные. Сейчас Лиза справляется не хуже меня, бывает, даже обгоняет. Ну что ж, так и должно быть. Молодость и знания (Лиза к нам пришла после десятилетки) берут свое. Присвоили ей звание ударника коммунистического труда. И теперь, если приходится ехать в отпуск или в командировку, еду спокойно: Лиза меня заменит.

Года еще нет, как пришла к нам в бригаду Анна Анарьева, а не уступит уже лучшим, кадровым работникам.

Аня Запасная — та совсем новичок и на заводе и в бригаде. Однако освоилась быстро, понравилось ей у нас. Из нее тоже получится хороший специалист.

Взяли мы обязательство выполнить свою семилетку за пять лет и сдавать продукцию только отличного качества. Стараемся работать так, чтобы сдерживать свое слово.

Да разве одна наша бригада так работает! А мои прежние товарищи по бригаде, группа мастера Иннокентия Давыдова? Одна из первых в цехе завоевала она звание коллектива коммунистического труда. Работает там замечательная женщина — Анна Семеновна Гороховцева. Вся ее жизнь связана с нашим предприятием, с нашим цехом. И если говорят про кого, что у него «золотые руки», так это про таких, как Анна Семеновна.

Сейчас весь цех борется за то, чтобы получить право именоваться цехом коммунистического труда. И я уверена: с такими людьми, как у нас, это право завоеуем!

ИЗ ОДНОГО МЕТАЛЛА ЛЬЮТ МЕДАЛЬ ЗА БОЙ, МЕДАЛЬ ЗА ТРУД

Как было не вспомнить эти слова поэта Алексея Недогонова, когда в Кремлевском Дворце съездов на XIII съезде профсоюзов мы увидели трех Героев, оживленно беседующих в перерыве между заседаниями: Героя Советского Союза Евгению Жигуленку и Героев Социалистического Труда Марию Еременко и Эне Овезову.

Когда знакомишься с судьбами этих трех замечательных женщин, еще раз понимаешь, что две звезды — боевая и трудовая — родные сестры в созвездии славы.

Когда Евгению Жигуленку присвоили звание Героя Советского Союза, она уже совершила семьсот боевых вылетов, а всего у летчицы из прославленного полка Марины Расковой их было более тысячи.

Изматывающие ночные полеты, когда внизу под крылом горит земля, вспыхивают гигантские костры от похожих на чугунные чушки бомб, требовали не только мужества, но и упорства, настойчивости, выдержки. Эти черты характера родились давно, еще тогда, когда семиклассница из Тихорецка Женя Жигуленко, упорно прозанимавшись целое лето, успешно сдала экзамены экстерном и, обогнав одноклассников, стала учиться сразу в девятом классе. То была ее первая победа. И потом, когда Женя поступила сразу в Директаблестроительный институт и в Тушинский аэроклуб: на рассвете — полеты, утром и днем — лекции. Из этого увлекательного мира двадцатилетняя Женя и ушла на фронт.

Сейчас Евгения Андреевна не летает. Она председатель Сочинского горкома профсоюза работников госучреждений.

На счету Марии Касьяновны Еременко нет боевых вылетов. Она каменщица, строит дома в Минске. Но каждая ее рабочая смена — тоже словно боевой вылет в небо. Не зря Мария Касьяновна шутит: «Нас, каменщиков, испытывают теперь, как летчиков: крутят на центрифуге — не боимся ли высоты».

С каждым годом Мария Касьяновна поднимается все выше — сначала строила дома трехэтажные, теперь — в семь этажей. Приятно гулять с сыновьями по главной улице белорусской столицы — проспекту Ленина и, запрокинув голову, смотреть на свои дома.

Овезова — маленькая, хрупкая, тоненькая, как камышинка, но она мать четверых детей. В тот же самый сорок девятый год, когда Мария Касьяновна Еременко пошла работать на стройку, Эне Овезова стала ученицей на Ашхабадской прядильно-ткацкой фабрике. Первой наставницей ее была опытная ткачиха Евдокия Ивановна Кузнецова. Не одно поколение туркменских ткачих училось у этой русской женщины.

Через полгода Эне Овезовой впервые доверили комплект — четырнадцать станков.

Инициатором многих хороших дел на фабрике была Эне Овезова. Бригаде, в которой она работала, одной из первых в стране присвоено звание бригады коммунистического труда.

Но она не хотела уходить вперед одна, не протянув руку товарищам, которые еще только взбираются на взятый ею перевал. И она перешла в другую, отстающую бригаду, которая теперь успешно выполняет план и недавно тоже стала бригадой коммунистического труда. За трудовой ежедневный подвиг и получила Эне звезду Героя.

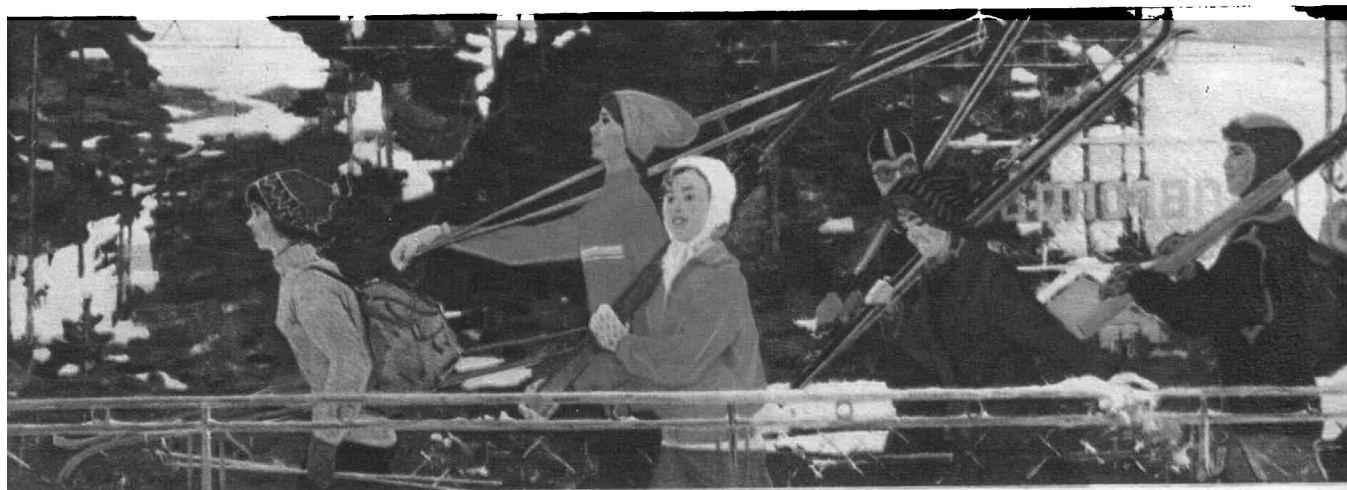
Встречу этих замечательных женщин запечатлел наш фотокорреспондент Николай Маторин. Слева направо: Эне Овезова, Евгения Жигуленко и Мария Еременко.

К. ЮОН. РУССКАЯ ЗИМА.

П. СМУКРОВИЧ. МОЛОДОСТЬ. (Фрагмент).

Мария
КОСТОГЛОВА

НОВЫЕ СТРАНИЦЫ

Мы предлагаем вниманию читателей главу из романа молодой ростовской писательницы Марии Костоглодовой «Есть романтина!», который выйдет в 1964 году в издательстве «Советский писатель». Эта первая большая работа автора навеяна впечатлениями нескольких лет, проведенных на Камчатке.

М. Костоглодова не раз выступала со статьями и очерками на страницах газет. Но, по собственному ее признанию, настоящей ее страстью всегда был театр. Для театра вместе с писателем М. Андриасовым она написала пьесу «Судьба друга», опубликованную в альманахе «Дон» в 1954 году. В 1956 году Новочеркасский драматический театр поставил ее пьесу «Ясные зори». Много работала писательница и как режиссер в самодеятельных театральном коллективах.

В новогоднюю ночь

Всю ночь мчали собаки Эльгу Владимировну. Знакомый холодок, рожденный волнением за жизнь человека, деревянил концы пальцев на руках, и она часто хлопала в ладоши, стараясь оживить руки. Акушерка с Начикского медпункта прислала ей записку, что ожидаются патологические роды, за исход которых боится. Акушерка не просила Эльгу Владимировну приехать, она только спрашивала совета. Не просил о поездке и муж роженицы — охотник Тарапнин. Когда она ему сказала: «Подождите. Я сбегаю домой, скажу, что еду», — он странно охнул и стиснул ее плечи с такой силой, что она вскрикнула.

Сейчас он vez ее со всей быстротой, на какую были способны собаки, и, вероятно, думал о том же, о чем она: «Успеть бы!»

Всю дорогу ехали молча. Иногда Эльга слышала короткий вздох и по-женски желела молчаливого коряка.

К селению Начик, первиченному после найденных здесь источников в Нэрээннуу, подвезжали серым рассветом. Маленькие, покосившиеся домики, глубоко ушедшие в землю, с высокими железными трубами, выглядели особенно сиротливо рядом с новыми стандартными домами, крепко стоящими в середине поселка.

— Как вы с этим миритесь, Тарапнин? Коряк медленно повернул к ней голову.

— С домишками? — спросил он, хотя по жесту Эльги понял, чем она интересуется. — Приходится мириться.

— Почему? Вам же присылают комплекты новых домов?

— А что толку? В одном комплекте не хватает рам, в другом — досок для пола... Ах, товарищ доктор! Не бери душу: в ней и так сплошной ягель. Я б этим снабженцем, как лисам, капканы поставил. Изловил бы их и вместо пушины сдал на заготпункт.

Собаки остановились перед покореженным домиком. Тарапнин пропустил Эльгу в узкую дверь и поспешно заглянул в боковушку, где лежала жена.

— Еще мучится...

Высохшая, как пожухлый лист, старуха грела на мангалке воду. На приветствие Эльги она коротко ответила: «Мей» — «Здравствуй». В квартире стоял холодный полумрак.

Навстречу Эльге из-за ситцевой занавески вышла акушерка с редким именем — Агата. Она хмуро шепнула:

— Плохи дела. — И покачала головой, как бы говоря: «Я сделала все, что могла».

Роженица Анна Хунга выглядела измученной девочкой. На ее юном лице застыло такое страдание, что сердце Эльги дрогнуло. При виде врача Анна быстро заговорила по-коряцки. По ее пухлым щекам побежали слезы.

— Что, больно? Ничего, милая, потерпи. Все будет хорошо.

Ребенок находился в поперечном положении. Эльга понимала, чем это грозит и ей и роженице. Ей — долгими часами тревог, матери — нечеловеческими страданиями.

Хунга не кричала. Лишь крупный пот выступал на лбу да руки лихорадочно металась по краю кровати.

— Железная она, что ли? — не выдержала Агата. — Ты поори, поори, девка. Легче станет.

Несколько раз в комнату заглядывал Тарапнин, качал головой, вздыхал и снова уходил топтать под окнами снег.

В комнату вползали ранние зимние сумерки.

Эльга, ожидавшая момента, когда можно будет начать операцию, поднялась.

— Будете выправлять? — поинтересовалась Агата.

— Да.

— Не опасно? Положение вроде запущено.

— Нет. Дайте рауш-наркоз.

Агата дала Хунге эфир, та на короткое время потеряла сознание, и Эльга стала ощупью искать ножку ребенка.

За домом тягуче выли собаки. Тарапнин из-за Эльги держал их в упряжке, пообещав сейчас же после родов отвезти ее назад.

— Готово! — На руке Эльги лежало безжизненное, синее тельце. — Живо горячую и холодную воду!

Привычными движениями делает она мальчику массаж, искусственное дыхание, окунает в тазик с холодной, то в тазик с горячей водой. Ребенок не подает никаких признаков жизни.

На лице Агаты выражение предрешенности. «Все, все бесполезно», — как бы твердят тонкие, как ниточки, губы.

Молодая мать лежит так тихо, что Эльга оглядывается. Ничего, просто

ослабела... Ну, новый человек! Оживай. Ты родился в хорошее время: 31 декабря.

И новый человек, словно вняв этому немому призыву, издает тонкий, пронзительный вскрик. И сразу светлеет лицо матери, вырываются слезы из глаз бабки и вздох облегчения из груди Эльги Владимировны.

Эльга смотрит на часы: семь! Даже умори Тарапнин собак, и то они ее не домчат к новогоднему столу. Что ж, муж, не обижайся! Человек в жизнь пришел...

— Товарищ доктор! — сливая на руки Эльге воду, говорит Тарапнин. — Мое слово маленькое, а благодарности — как опух. Море, по-нашему... Послушай, товарищ доктор. Дай нашему сыну имя. Какое скажешь, такое и будет.

Эльга выпрямилась:

— Назовите его Яковом.

— Яков? Хорошо. Слышь, Анна? Он будет Яков...

* * *

Великолепная зимняя ночь на Камчатке! Дрожит бледный, голубой свет. Он струится от безоблачного, будто умытого неба к белым сугробам и от белых сугробов — к застывшей водяной глади. Выпал густой снег, кружевом окаймив кедровую рожицу, запорошила протоптанные дорожки. К полуночи голубые тона потеснились, уступили место розовым. Взошла луна. Огромная, неестественно красная, точно бутафорская, она собрала вокруг себя звездную мольдь и хорохорится с ней, приветствуя приближение Нового года.

В общеджитни уже сдвинуты в угол столы. Народ пляшет. Яков на мгновение припал щекой к баяну, будто к милой прижался, и тут же выпрямился, откинув голову назад. Руки проворно перебирают клавиши, глаза полузакрыты. Вихрем закружил гопак Болотова и Клаву Лукашкину.

— Товарищи! — предложил Ратунав. — Пошли на улицу. Поищем пропавшего под Новый год человека.

— Как, как? — затормозили его.

— А так. Одевайтесь.

Игра, предложенная Ратунавом, увлекла всех. Разбежаться по поселку, поискать вышедшего из дома или идущего домой человека и принести его на руках туда, куда он прикажет.

— А ежели никого не найдем? — поинтересовалась Клава.

— Понесем тогда на руках через весь поселок тебя, — ответил ей под дружный смех Ратунав. — Яков! Ты с одной группой пойдешь на поиски пропавшего человека, Павел — с другой, я — с третьей. Каждая группа избирает связного. Связной оповестит остальных, кем найден пропавший человек и куда желает быть доставленным.

Разбились на группы.

ботать для нее означало постоянно учиться, а учеба требовала времени. Муж не ребенок, а она не нянька.

Как в ее жизнь вошел Яков, она не могла припомнить. Явился когда-то на прием: разрезал листовым железом руку. Оказала первую помощь, на перевязки велела приходить к сестре.

— Нет уж, — едва выдавил Яков. — Уважьте больного... перевязывайте вы... Окинула его удивленным взглядом: — Это работа медсестры.

— Скажем: «Хозяева добры, принимайте Снегурочку!» А они нам: «Милости просим». А мы: «Пожалуйста за нее выкуп». А они: «Белым или красным?» А мы... — не умолкая, тараторила Клава.

— Дверь квартиры Дорошевых распахнулась. В комнату вместе с морозным паром ввалилась молодежь. Между Яковом и Геннадием стоял недвижимый предмет, накрытый белыми шубами.

Вот когда пригодился трубный Клавын голос!

Рисунок Н. Гордейчика.

— К дому деда Козюли! — приказал Павел.

— К заводу! — распорядился Ратунав. — На дорогу? — скорее спросил, чем предложил Яков. Он пытал свое счастье. Если Эльга еще не вернулась...

А Эльга тряслась на нартах. Напряженье последних суток, мягкий скрип полозьев по снегу, мороз и тепло сброшенной на ноги медвежьей шкуры сделали свое дело: она постепенно погружалась в то блаженное состояние, которое называют бездумным.

Впрочем, бездумье иногда прорезалось неприятной мыслью: к чему попросила назвать новорожденного Яковом? Что за блажь! Но дать определение этой блажи Эльга была сейчас не в состоянии и успокаивала себя одним: мол, приедет — разберется.

Эльга обладала редчайшим для женщины даром: не тревожиться из-за пустяков, не искать облегчения в слезах. Дочь русского рабочего и латышской учительницы, она унаследовала от отца его трезвый ум, от матери — завидную выдержку. Ей часто говорили, что она красива, и она спокойно принимала, а чаще не замечала знаков внимания.

Знакомство с Дубовым не принесло того головокружительного полета, который ей представлялся при мысли о любви, но она ажурно отвечала на письма Василия Антоновича, слала ему свои фотографии, в отпуск уезжала с ним отдыхать к морю. Три года, по ее мнению, были достаточным сроком, чтобы узнать друг друга, и она стала его женой. Ее смешило, когда Василий обижался, говоря, что свою профессию она любит больше, чем его, но не разубеждала: ра-

— Знаю. А все-таки... ежели не сочтете за труд...

И странно: взялась за сестринские обязанности. Поймав себя однажды на мысли, что ждет его прихода, рассердилась. Дождалась его, позвала сестру, велела перевязать.

— Стойте! — услышала Эльга над ухом и раскрыла глаза. Над ней склонилось несколько голов. Одна, обмотанная мохнатым полотном.

— Что за Соловьи-разбойники? — спросила Эльга, поднимаясь.

— Новогодние, — ответил смеющийся женский голос.

— Извините, Эльга Владимировна, придется вам поинуть нарты и сказать, куда вас доставить.

Перед Эльгой стоял Яков.

— Меня доставить? Я не посылка.

— Знаю: дорожке... Но вы пропавший под Новый год человек. Нам велено найти вас и отнести на руках по указанному вами адресу. Куда?

Эльга улыбнулась.

— Тот, кто велел меня встречать, вероятно, назвал адрес.

— Нет.

— Жаль. Ну, несите к Дорошевым.

— Клава, оповести всех: к Дорошевым!

Яков и Геннадий, сцепив руки, подставили Эльге импровизированное кресло, пригнулись, чтобы ей было удобнее сесть. Яков почувствовал на своем плече маленькую руку и незаметно провал по ней губами. Губы уютолись о шерстяную веревочку, выпили с нее капли талого снега.

Все громко проорали туш, забросав Эльгу Владимировну снегом.

— Говорите, пропал у кого-нибудь из вас ближайший человек?

— У меня. — Дубов облегченно рассмеялся. — Жена у меня пропала.

— Что заплатите, если пропажа найдется?

— Что пожелаете.

— Перечисляю: новое помещение под библиотеку, новые стеллажи...

Дубов, замахая руками, заранее согласился даже с десятью требованиями, только бы ему показали дорогу пропавшему. Яков и Геннадий сбросили с недвижимого предмета шубы, и перед собравшимися предстала во всей своей красе Эльга Владимировна.

Шум. Аплодисменты. Поздравления. Гости усаживаются за стол.

А время бежит, мчится...

Яков взглянул на часы. Пять! Уже пять! Новый год, небось, к Сибири подбирается. Экой торопыга! Что б ему походить немножко! Когда еще выдастся такая радость: сидеть рядом с Эльгой, слышать ее грудной голос, смотреть на горящую от мороза щеку...

— Яков Антонович! Вам некого больше «доставить по адресу»?

Эльга склонилась к тарелке.

— И было б кого, — перепоручу.

— Вас узолят.

— Перейду на хлеб-воду.

— Надолго вас завит?

— На всю жизнь.

— Ой-ой!

Яков подливает Эльге вина, себе льет водку.

— За самую дорогую в мире посылку! Эльга смеется, и уже оба ее глаза, такие карие, что кажутся черными, с хитринкой смотрят на Якова.